

УДК 316.334.56

НЕ ТЕХНОЛОГИЯМИ ЕДИНЫМИ: ПРЕКАРНОСТЬ УМНЫХ ГОРОДОВ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Литвинцев Денис Борисович

Кандидат социологических наук, доцент кафедры экономики, управления, социологии и педагогики Новосибирского государственного архитектурно-строительного университета (Новосибирск, Россия); denlitv@inbox.ru

***Аннотация.** Прекарность (т.е. нестабильность, неуверенность в завтрашнем дне) – неотъемлемая характеристика современного информационного общества в эпоху глобального капитализма. Хотя большинство исследователей уделяет внимание проблеме прекаризации труда, отдельные ученые указывают на прекарность условий жизни в целом. Актуальной темой становится прекарность проживания в больших городах. В статье рассматривается проблема прекарности умных городов в трех социологических сюжетах: эпистемическое насилие и институциональный газлайтинг, социальная инклюзия и эксклюзия, а также ностальгия и ретротопия. Для изучения этих вопросов привлекаются исследования, проведенные в США и в Европе, а также в Индии, в Бразилии и в Сингапуре. Отмечается, что несмотря на всю привлекательность концепций умного города, они на сегодняшний день могут не учитывать и (или) даже игнорировать интересы разных социальных групп.*

***Ключевые слова:** социологическая урбанистика; умный город; прекарность жизни; социальная инклюзия / эксклюзия; институциональный газлайтинг; ностальгия.*

***Для цитирования:** Литвинцев Д.Б. Не технологиями едиными: прекарность умных городов в современном мире // Социальные новации и социальные науки. – 2025. – № 3. – С. 53–62.*

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2025.03.03

Рукопись поступила 01.05.2025.

Принята к печати 10.08.2025.

Введение

Прекарность представляет собой состояние социально-экономической неустойчивости, характеризующееся отсутствием гарантированной занятости, стабильного дохода и защищенности в базовых сферах жизни, таких как жилье, здравоохранение и социальное обеспечение. В социологическом контексте прекарность рассматривается как структурное проявление неолиберальной трансформации рынка труда и социальной политики, приводящей к росту неопределенности и уязвимости широких слоев населения. Она не сводится лишь к индивидуальному ощущению нестабильности, а укоренена в институциональных механизмах, воспроизводящих социальное неравенство и маргинализацию.

Исследования прекарности в целом можно разделить на те, которые фокусируются на прекаризации труда в условиях реструктуризации рынков (под давлением неолиберализации, например, на Глобальном Севере), и те, которые сосредоточены на прекарности человеческой жизни (в том числе жилищных условий), не обязательно связанной с условиями труда и формой занятости [Essletzbichler, 2022]. При этом города давно ассоциируются с экономической, правовой и моральной прекарностью. Эта связь, вероятно, усилилась в условиях современного глобального капитализма, а исследователи все чаще отмечают риски, сопряженные со строительством и проживанием в городской среде [Campbell, 2021]. Одним из таких рисков может стать «добровольное затворничество», широко распространенное среди представителей городского прекариата [Сети города, 2021].

В.П. Бабинцев, Г.Н. Гайдукова, Ж.А. Шаповал и Г.А. Ельникова отмечают, что несмотря на очевидные преимущества цифровизации в управлении городским пространством, она имеет неоднозначные последствия, в том числе усиление социального неравенства за счет прекаризации труда [Воспроизводство городского ..., 2023]. Е.И. Кузнецова и Н.А. Пугачева рассматривают феномен прекаризации как «новый источник отчуждения субъекта в коммуникативной реальности цифрового мира» [Кузнецова, 2023, с. 36], демонстрируя негативную роль цифровизации социальных процессов в современном обществе также в контексте прекаризации труда. Р. Роджерсон подчеркивает недооценку значимости низкоквалифицированных работников сферы услуг, которые играют важную роль в поддержке будущего городов несмотря на прекарную природу их занятости. Зачастую их роль, по его мнению, плохо и (или) недостаточно вписана в концепции «восхваляемых» (англ. much lauded) умных городов [Rogerson, 2020].

Исследований, ставящих в центр внимания феномен прекарной занятости, в том числе в условиях активной цифровизации современного общества, немало. Однако в рамках настоящей статьи автор хотел бы актуализировать проблему прекарности применительно к умным городам, бы-

стро развивающимся по всему миру. Как отмечают зарубежные исследователи, существует множество социальных практик и инициатив, которые можно изучать, чтобы раскрыть так «страстно желаемое», но при этом прекарное будущее отдельных людей или территорий. Такие работы могут дать понимание того, как желание создать умные города порождает их прекарность [Perng, Kitchen, Donncha, 2018].

Институциональный газлайтинг в умном городе

Индийские исследователи утверждают, что основной причиной социального исключения, прекарности и отчуждения внутренних мигрантов в умных городах является эпистемическое насилие¹, направленное против них и заложенное в реализуемую программу Smart City Mission², которая расширяет рамки «инклюзии и эксклюзии». Эпистемология формирует знания и очерчивает представления об умных городах, которые в дальнейшем влияют на действия городских чиновников, урбанистов и других участников этой программы. Сконструированное знание и восприятие умного города, с одной стороны, служит интересам представителей среднего класса, придавая первостепенное значение цифровым технологиям и развитию инфраструктуры. С другой стороны, это же систематически ставит в невыгодное положение внутренних мигрантов, исключая их из общественной жизни на разных уровнях социальной структуры. Эпистемическое насилие успешно искажает реальность их существования, а также вклад мигрантов в городскую жизнь, создавая образы «приятных городов» (англ. feel-good cities), угодных среднему классу. Вместе с тем эпистемическое насилие отвлекает внимание от процессов, направленных на повышение инклюзивности, которые могли бы существенно улучшить жизнь мигрантов. Оно нормализует страдания этих людей и лимитирует городскую политику, претендующую на защиту их прав. В результате мигранты сталкиваются со множественными и взаимосвязанными формами насилия в своей повседневной жизни, оставаясь неслышанными [Rajput, 2024].

Знание об умных городах, таким образом, создается и используется для обоснования политики городских властей, ориентированной преимущественно на интересы одних социальных классов и игнорирующей потребности других. При этом акцент на высокотехнологичных решениях и инфраструктурном развитии в ущерб инклюзивности может привести к тому, что уязвимые социальные группы окажутся в стороне, не сумев интегрироваться в новую реальность умных городов.

---

¹ В отличие от символического насилия, проявляющегося в навязывании социальных норм и ценностей, эпистемическое (или эпистемологическое) насилие относится к ситуациям, когда знание, используемое для доминирования или манипуляции, искажается, ограничивается и (или) ставится под сомнение.

² Инициатива правительства Индии, запущенная в 2015 г. и направленная на развитие 100 умных городов в стране. Целью программы является создание устойчивых и эффективных городов с использованием современных технологий для улучшения инфраструктуры, управления и качества жизни. В рамках этой программы города должны использовать цифровые технологии для оптимизации транспортных систем, энергоснабжения, управления водными ресурсами и повышения качества общественных услуг [Smart Cities Mission, 2025].

Институциональный газлайтинг, являясь формой и проявлением эпистемического насилия, способствует искажению образа внутренних мигрантов и недооценке их вклада в жизнь умных городов, что усиливает экстрактивность (эксклюзивность) и дисфункциональность отдельных социальных институтов. Средствами газлайтинга, в основе которого лежит социальное неравенство, могут выступать как публичные декларации в средствах массовой информации, так и принимаемые нормативно-правовые акты (законы, постановления и т.п.) [Литвинцев, Литвинцева, 2024а].

К. Раджпут акцентирует внимание на том, что эпистемическое насилие было изначально заложено в правительственную программу развития умных городов в Индии [Rajput, 2024]. Нормализация страданий мигрантов и создание для них «оскорбительной» ментальной среды в умных городах может рассматриваться в данном контексте как результат институционального предательства. Это способствует разочарованию и усилению недоверия данной группы населения к различным государственным институтам и структурам, которые должны защищать и поддерживать всех членов общества, но фактически не выполняют своих обязательств и (или) даже наоборот, способны нанести вред отдельным социальным группам.

Умный и (или) инклюзивный город?

Д. Мураками-Вуд полагает, что, хотя нам обещают умные города для всех, на самом деле мы имеем разделенные, неравные города, полные незащищенности и прекарности [Murakami-Wood, 2024]. Фактически отношения между отдельными людьми и группами, по мнению исследователей из Испании, являются более прекарными в концепциях «умного города», основанных исключительно на технологиях [Social Inclusion in Smart Cities, 2021]. Такие концепции зачастую строятся на идеях оптимизации, эффективности и инклюзивности. Однако, как показывает исследование К. Раджпута, на практике эти технологии и инновации могут быть направлены в основном на улучшение жизни конкретных социальных классов. Развитие умных городов усугубляет положение внутренних мигрантов, добавляя к существующим бюрократическим барьерам доступа к социально-экономическим ресурсам еще и технико-технологические барьеры, создавая новые формы прекарности. Новые технологии и цифровизация услуг (например, электронное здравоохранение, онлайн-образование или умные системы общественного транспорта) требуют наличия современных гаджетов и постоянного доступа к Интернету, возможностей безналичного расчета (в отдельных случаях – криптовалюты) и цифровой грамотности. Это ставит мигрантов, которые могут быть менее технически подкованными и (или) иметь ограниченный доступ к упомянутым технологиям, в невыгодное положение по сравнению с другими социальными группами [Rajput, 2024].

Бразильские исследователи, анализируя концепции умных городов, также подчеркивают необходимость такой модели городского развития, которое ставило бы во главу угла именно социальную интеграцию и справедливость. Умный город должен в приоритете учитывать потребности

наиболее уязвимых социальных слоев, предоставляя базовую инфраструктуру и обеспечивая доступ к достойному жилью, гарантируя безопасность, получение образования и экономические возможности¹. Внедрение инновационных технологий в городах должно стать средством, позволяющим не только соблюдать современные требования к инфраструктуре, но и удовлетворять потребности горожан на всех уровнях (согласно пирамиде А. Маслоу). Чтобы умные города могли приносить пользу всем гражданам, городская политика должна быть инклюзивной и направленной на снижение рисков урбанизации для разных категорий населения [De Carvalho, 2024].

Выводы Ю. Де Карвалью, С. Нуньес, Х. Де Араужо согласуются с результатами исследования аспектов инклюзивного проживания в России. Инклюзивность государственной политики может рассматриваться на разных административных уровнях, включая отдельные поселения. С целью сохранения и поддержания инклюзивности проживания, развитие городов (включая жилищное строительство) должно осуществляться с учетом интересов разных социальных групп и сообществ. При этом доступное жилье является одним из критериев инклюзивного проживания. В то же время, исследование Д.Б. Литвинцева, Л.Б. Можейкиной и В.В. Дегтяревой показало, что существует множество нерешенных политико-правовых (инклюзивная политика в России по-прежнему не реализована), экономических (отсутствие равного доступа к адекватному жилью и т.п.), социально-культурных (традиционные институты, препятствующие современному восприятию инвалидов, мигрантов и др.) и материально-технологических (отсутствие инклюзивных технологий строительства) проблем, препятствующих инклюзивности проживания в современном урбанизированном обществе [Литвинцев, Можейкина, Дегтярева, 2021].

Исследователи из Великобритании отмечают, что в современной неолиберальной парадигме умный город потенциально усиливает хорошо известные проблемы прекарности и эксплуатации. Управление таким городом во многом построено на информационно-цифровом неравенстве, а способность влиять на инклюзию / эксклюзию основана на обладании властью. В результате проживающие в умном городе попадают в своего рода гражданскую прекарность. При этом, если их согласие с управлением умного города не является достаточно полным, они низводятся до уровня информационно-цифрового андеркласса (англ. data underclass): маргинализируются, не могут получать якобы общественные услуги, потенциально лишены возможности передвигаться по условно общественным улицам или свободно собираться в местах, которые должны быть общественными. Определенным людям (или их транспортным средствам) может быть технически ограничен въезд на некоторые улицы, доступ в отдельные здания (магазины, развлекательные комплексы и т.п.), что обусловлено сложной природой государственно-частного партнерства в умных городах [Cobbe, 2019].

---

¹ В этом плане умный город должен способствовать снижению жилищной прекарности, измерения которой как раз и включают подобные показатели (доступность, безопасность и качество жилья, а также доступ к инфраструктуре) [Литвинцев, 2024б].

В данном случае напрашивается закономерный вывод о том, что умные города способствуют приватизации публичных пространств и развитию так называемых закрытых / огражденных сообществ (англ. gated communities). Это связано в том числе с ростом социальной сегрегации и отчуждения в ходе сложных социально-экономических трансформаций современного общества. М.В. Мельников отмечал развитие подобных сообществ в Индии, Бразилии и в других странах [Мельников, 2016], в которых на сегодняшний день как раз наблюдаются подобные процессы урбанизации.

В свою очередь, ученые из Англии и Швейцарии предлагают альтернативный интеллектуальный урбанизм, который учитывает роль цифровых технологий в жизни различных маргинализированных групп населения. По их мнению, необходим диалог, способный объединить, на первый взгляд, несовместимые элементы в пространстве умного города: алгоритмическое управление или техно-оптимистические решения в реальном времени, нацеленные на полную цифровую интеграцию городской среды, и знания, основанные на повседневном опыте горожан, находящихся в прекарных условиях и зачастую остающихся вне поля внимания городских администраций [McFarlane, 2017].

Умный город: от технологического утопизма к тоске по прошлому

Цифровой капитализм и глобализация, социальные сети, электронное здравоохранение, социальная изоляция и мобильность определяют динамику и изменения в медиасреде. Эти изменения, по мнению исследователей из Германии, вызывают двойную прекарность, или «стабильную нестабильность». С одной стороны, трансформация медиасреды ставит под вопрос сложившиеся социальные практики в различных сферах общественной жизни, с другой – требует постоянной адаптации к новым медиа, провоцируя и поддерживая устойчивое состояние неопределенности в отношении того, как действовать в новом цифровом мире [Heidkamp, Kergel, 2017].

Исследуя роль технологий, американские ученые предлагают идентифицировать «технопрекарность»¹, распространяющуюся в разных географических точках и культурных практиках в настоящее время. Цифровые технологии – будь то приложения для вызова такси, построенные на гибком труде, или сервисы аренды частного жилья, которые перекладывают ответственность на пользователей, – помогли консолидировать капитал и влияние небольшого числа людей. Эти платформы также усугубили небезопасные условия труда и жизни разных социальных меньшинств, женщин, мигрантов и др. В то же время прекарность стала все более генерализованной и, расширяясь, охватила даже креативный класс² и самих цифровых производителей. Она характерна

---

¹ Технопрекарность – это форма прекарности, вызванная распространением цифровых технологий (например, слежка с помощью биометрии) в условиях развития гиг-экономики и прекарных форм занятости, которые могут создавать и (или) усугублять уязвимость отдельных людей или сообществ, часто непропорционально сильно затрагивая тех, кто уже и так маргинализирован [Technoprecarious, 2020].

² Термин предложен Р. Флоридой для обозначения основной части среднего класса в развитых странах, включенной в постиндустриальный (информационный) сектор экономики [Флорида, 2007].

для разных групп населения, затронутых различными формами неравенства и незащищенности, которые были созданы цифровыми технологиями (несмотря на предлагаемые новые возможности) [Technoprecarious, 2020].

На фоне растущего недовольства по поводу усиления прекарности (в основе чего лежат противоречия между государством и обществом, глобальными устремлениями и внутренними проблемами) ностальгическая тоска стала распространенным мироощущением в Сингапуре, о чем свидетельствует растущая популярность исторических мелодрам, ретродизайна и ностальгических блогов. Ностальгия как форма реакции на прекарность в условиях неолиберального капитализма взаимодействует с коллективной памятью посредством множества цифровых медиатехнологий, что грозит перерасти в антагонистическое популистское инакомыслие. И если ностальгия, выражаемая гражданами как тоска по исчезнувшему прошлому, рассматривается как сопротивление прекарному настоящему, то цифровизация, управляемая государством, пытается привлечь население к официальным нарративам о прекрасном будущем (экономическом успехе, национальном прогрессе и т.п.). Поскольку ностальгия подразумевает отказ от прекарности настоящего ради приятности прошлого, она вступает в конфликт с ключевыми процессами современной экономики, которые основаны на замене старого новым ради большей прибыли и эффективности [Gonzaga, 2018].

Ностальгия, очевидно, способствует погружению граждан умных городов в ретротопию [Бауман, 2019], и в то же время распространению социальных практик сталкинга, связанных с исследованием заброшенных старых домов, и сквоттинга – их самовольного заселения. Это рассматривается российскими исследователями как ответ на проблемы урбанизации и эксклюзивную политику государств [Литвинцев, 2023]. Вместе с тем цифровизация городов расширяет возможные средства институционального газлайтинга, формирующего образ футуристической утопии. Это было показано в работе Э. Гонзага – интерактивные цифровые платформы и заказанные государством мобильные видеоигры¹ (наравне со средствами массовой информации и нормативно-правовыми актами). Благодаря погружению в специально сконструированное пространство и замкнутый цикл виртуальной коммуникации (многократный повтор необходимых действий для получения ожидаемого вознаграждения) игры принуждают пользователей усваивать необходимые государству нормы знаний и образцы поведения, заложенные в «Сингапурской истории» – официальном нарративе экономического успеха и национального прогресса [Gonzaga, 2018]. Учитывая однородность цифровизации городских районов, можно смело поддержать тезис зарубежных исследователей о том, что город (в том числе умный) представляет собой «неравномерное лоскутное одеяло из утопических и антиутопических пространств, которые во всех смыслах и целях физически близки, но институционально отчуждены» [Литвинцев, 2023, с. 181].

---

¹ Игра (или геймифицированное приложение), за пределами которой «пустыня реального современного прекариата», не является, по мнению А. Горных, придатком к настоящей жизни, а конструирует параллельную реальность, чтобы жизнь в городе (в том числе умном) вообще казалась серьезной [Сети города, 2021].

Заключение

Изучение прекарности в различных сферах современного общества (экономической, социальной и др.) привело ученых из разных стран к вопросу о том, какова роль интеллектуальной урбанизации в усилении прекаризации жизни отдельных социальных групп в развивающихся умных городах по всему миру. Несмотря на техно-утопические идеалы и общий посыл улучшения качества жизни населения в условиях цифровизации и внедрения современных информационных технологий, результаты зарубежных исследований отражают немало скрытых проблем и противоречивых процессов, усиливающих прекарность проживания в «восхваляемых» умных городах.

Институциональный газлайтинг посредством эпистемического насилия в умных городах создает образы «приятных городов» для конкретных социальных классов, игнорируя интересы других социальных групп (например, внутренних мигрантов). При этом набор средств институционального газлайтинга существенно расширяется за счет применения современных технологий – от деклараций в средствах массовой информации и принимаемых нормативно-правовых актов до интерактивных цифровых платформ, подконтрольных государству, и мобильных видеоигр.

Технологический детерминизм умных городов усиливает прекарность проживания, социальное неравенство и чувство незащищенности, что не способствует социальной инклюзии несмотря на стремление к оптимизации и эффективности. В связи с этим предлагается делать акцент не просто на новых технологиях, а на социальной интеграции и справедливости, учете потребностей и опыта проживания в прекарных условиях уязвимых слоев населения вместо их исключения и (или) низведения до информационно-цифрового андеркласса. Отдельного внимания заслуживает развитие закрытых / огражденных сообществ в контексте приватизации публичных пространств, что обусловлено сложной природой государственно-частного партнерства в умных городах.

Современный урбанизм развивает собственную технопрекарность, способствуя консолидации капитала и влияния у небольшого числа людей посредством цифровых платформ (такси, аренда жилья и др.), усиливающих различные формы социального неравенства и незащищенности. Ответной реакцией на прекарное настоящее становится ностальгическая тоска по приятному прошлому и погружение горожан в ретротопию несмотря на официальные нарративы государства, управляющего цифровизацией общества, о прекрасном будущем.

Учитывая активную цифровизацию городского (в том числе жилищно-коммунального) хозяйства и развитие умных городов в России, целесообразно принимать во внимание риски прекаризации условий проживания, которые широко обсуждаются в международном научном сообществе. Игнорирование этих рисков и повсеместное внедрение информационно-коммуникационных технологий может усиливать социальное исключение, маргинализацию и дискриминацию уязвимых групп населения. В связи с этим требуется критическая оценка того, чьи интересы не учиты-

ваются в процессе реализации государственной политики в условиях цифровой трансформации экономики и российского общества в целом.

Список литературы

1. Бауман З. Ретротопия / пер. с англ. В.Л. Силаевой; под науч. ред. О.А. Оберемко. – Москва: ВЦИОМ, 2019. – 160 с.
2. Воспроизводство городского сообщества в условиях цифровой трансформации урбанизированной среды / Бабинцев В.П., Гайдукова Г.Н., Шаповал Ж.А., Ельникова Г.А. // Теория и практика общественного развития. – 2023. – № 10 (186). – С. 27–36.
3. Кузнецова Е.И., Пугачева Н.А. Прекаризация как феномен отчуждения субъекта в цифровой коммуникативной реальности // Общество: философия, история, культура. – 2023. – № 6 (110). – С. 36–41.
4. Литвинцев Д.Б. Жилищная антиутопия в современном обществе: социологический диагноз // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2023. – № 72. – С. 180–189.
5. Литвинцев Д.Б. Жилищная precariousность в развитых странах: обзор исследований и оценка их значимости для России // Социальные новации и социальные науки. – 2024б. – № 3 (16). – С. 55–65.
6. Литвинцев Д.Б., Литвинцева Г.П. Институциональный газлайтинг, или как институты искажают нашу реальность // Журнал институциональных исследований. – 2024а. – Т. 16, № 1. – С. 74–84.
7. Литвинцев Д.Б., Можейкина Л.Б., Дегтярева В.В. Инклюзивное проживание в России как аспект многомерности социальной инклюзии // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 468. – С. 84–92.
8. Мельников М.В. Социологическое изучение огражденных сообществ: темы и проблемы // Общество: социология, психология, педагогика. – 2016. – № 12. – С. 30–32.
9. Сети города: Люди. Технологии. Власть / под ред. Е. Лапиной-Кратасюк, О. Запорожец, А. Возьянова. – Москва: Новое литературное обозрение, 2021. – 576 с.
10. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / пер. с англ. А. Константинов. – Москва: Издательский дом «Классика-XXI», 2007. – 421 с.
11. Campbell B., Laheij C. Introduction: Urban Precarity // City & Society. – 2021. – Vol. 33. – N 2. – P. 283–302.
12. Cobbe J., Morison J. Understanding the Smart City: Framing the challenges for law and good governance / Le Futur de Droit Administratif [The Future of Administrative Law] / Auby J.B., Chevalier É., Slautsky E. (eds.). – Paris, France: LexisNexis, 2019. – P. 375–388.
13. De Carvalho Y., Nunes S., De Araujo H. Smart Cities in The Context of Social Precariousness: An Analysis in The Light of Maslow's Pyramid and The Empirical Work "Quarto De Despejo: Diário De Uma Favelada" // ARACÊ. – 2024. – Vol. 6, N 4. – P. 17704–17716.
14. Essletzbichler J. Engaging with precarious urban futures: From entrepreneurial to grounded cities // European Urban and Regional Studies. – 2022. – Vol. 29, N 4. – P. 419–439.
15. Gonzaga E. Precarious Nostalgia in The Tropical Smart City: Transmedia Memory, Urban Informatics, And the Singapore Golden Jubilee // Cultural Studies. – 2018. – Vol. 33, N 1. – P. 147–169.
16. Heidkamp B., Kergel D. (eds.). Precarity within the Digital Age: Media Change and Social Insecurity. – Wiesbaden, Germany: Springer, 2017. – 195 p.
17. McFarlane C., Söderström O. On alternative smart cities: From technology-intensive to a knowledge-intensive smart urbanism // City. – 2017. – Vol. 21, N 3/4. – P. 312–328.
18. Murakami-Wood D. Cities at the End of the World: Technology and Urbanism in an Age of Crisis // Authoritarian Smart Cities and Total Urban Surveillance. – 2024. – URL: <https://www.uottawa.ca/research-innovation/events-all/authoritarian-smart-cities-total-urban-surveillance> (дата обращения 27.01.2025).
19. Perng S.-Y., Kitchin R., Donncha D.M. Hackathons, entrepreneurial life and the making of smart cities // Geoforum. – 2018. – Vol. 97. – P. 189–197.
20. Rajput K. Epistemic Violence Embedded in Urban Policy: Locating Internal Migrants in Pune's Smart City Mission // Urbanisation. – 2024. – Vol. 9, N 1. – P. 61–73.
21. Rogerson R. Low Skill Precarious Work in The Smart City – Pushing Back the Process of Skill Gentrification // Medium. – 2020. – URL: <https://medium.com/@ifuturecities/low-skill-precarious-work-in-the-smart-city-pushing-back-the-process-of-skill-gentrification-3ad95197a813> (дата обращения 22.01.2025).
22. Smart Cities Mission // Government of India. Ministry of Housing and Urban Affairs. – URL: <https://smartcities.gov.in/> (дата обращения 30.07.2025).
23. Social Inclusion in Smart Cities / Padrón Nápoles V.M., Gachet Pérez D., Esteban Penelas J.L., García Pérez O., Martín de Pablos F., Muñoz Gil R. // Handbook of Smart Cities / Augusto, J.C. (ed.). – Cham, Switzerland: Springer, 2021. – P. 469–514 p.
24. Technoprecarious / Watkins Fisher A., Lindtner S., Chaa-Lopez I., Salman C., Wark M., Vora K., Wang J., Adair C., Nakamura L., Lin C., Kamil M. – London, UK: Goldsmiths Press, 2020. – 132 p.

NOT BY TECHNOLOGY ALONE: THE PRECARITY OF SMART CITIES IN THE MODERN WORLD

Litvintsev D.B.

PhD (Sociol. Sci.), Associate Professor, Department of Economics, Management, Sociology and Pedagogy, Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering (Novosibirsk, Russia); denlitv@inbox.ru

Abstract. *Precarity (i.e., instability, uncertainty about the future) is a defining feature of contemporary informational society under global capitalism. While most scholars focus on labor precarization, some highlight broader precarity in living conditions. A key issue today is urban precarity in large metropolitan areas. This article explores precarity in “smart cities” through three sociological lenses: episodic violence and institutional gaslighting; social inclusion and exclusion; and nostalgia and retrotopia. The analysis draws on studies from the US, Europe, India, Brazil, and Singapore. It concludes that despite the normative appeal of the smart city paradigm, it often overlooks or disregards the needs of marginalized social groups.*

Keywords: *sociological urban studies; smart city; precarity of life; social inclusion/exclusion; institutional gaslighting; nostalgia.*

For citation: Litvintsev D.B. Not by technology alone: the precarity of smart cities in the modern world // Social Novelties and Social Sciences. – 2025. – N 3. – P. 53–62.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2025.03.03